

О ХРИСТИАНСКОЙ ПРАВСТВЕННОСТИ.

(Из чтений по Закону Божию слушателями Высших женских курсов в Киевъ).

ЧТЕНИЕ ПЕРВОЕ.

О нравственности вообще.

Въ основѣ нравственной дѣятельности нашей лежатъ: 1) сознаніе того, что должно и чего не должно дѣлать, или внутренний нравственный законъ, и 2) способность опредѣлять себя къ дѣятельности, или свободная воля.

1) Въ чемъ же состоитъ присущій намъ законъ нравственный? Обыкновенный отвѣтъ на это: въ *разумъ* и *совѣсть*—совершенно справедливо, и мы постараемся только раскрыть его содержаніе.

Нравственный законъ въ насъ, можно сказать, параллеленъ физическому закону, дѣйствующему въ природѣ. Только неразумныя созданія не сознаютъ себя и цѣлей, для которыхъ дѣйствуютъ: въ ихъ дѣйствіяхъ нѣтъ ничего преднамѣреннаго. Поэтому мы и говоримъ, что природа слѣпа. Ею осуществляются разумныя цѣли, но—ей разумное не ей принадлежитъ и осуществляемая ею цѣли не ея цѣли. Человѣку, напротивъ, несвойственно дѣйствовать безъ разсужденія; жизнь его настолько собственно и есть жизнь человѣческая, насколько она опредѣляется ею разумными цѣлями. Разумомъ мы способны различать правильное отъ неправильнаго, ложное отъ истиннаго, какъ въ области жизни вообще, такъ и въ области нравственной дѣятельности нашей. Въ послѣднемъ случаѣ истинное и правильное

есть *добро*, а неправильное и ложное зло. Отсюда общій законъ нашей дѣятельности таковъ: дѣлай только то, что добро, и не дѣлай ничего, что худо.

Само собою должно быть понятно, что разумъ не правильно дѣлаетъ различіе между добрымъ и худымъ: иначе, сколько людей, столько же могло бы быть и различныхъ понятій о нравственныхъ качествахъ нашихъ дѣйствій, между тѣмъ—нравственный законъ, присущій человѣку, всегда и вездѣ въ существѣ своемъ одинаковъ. Нельзя также допустить, чтобы люди доходили до нравственныхъ различій путемъ опыта и наблюденій надъ тѣмъ, что происходитъ въ окружающемъ ихъ мірѣ; потому что въ неразумной природѣ нѣтъ качественныхъ дѣйствій. Тамъ все происходитъ по закону количества силъ, и если мы придаемъ чему нибудь въ этомъ мірѣ качественное значеніе, то это таково только для насъ, а не само по себѣ. Способности различать доброе и худое составляетъ самую природу нашего разума. Разумъ въ душѣ тоже, что глазъ въ тѣлѣ. Какъ глазъ по самому устройству своему способенъ видѣть и различать формы и цвѣта предметовъ, такъ разумъ по самой природѣ своей способенъ различать качества нашихъ дѣйствій. Итакъ нравственные начала намъ прирождены. Протавъ этого ничего не говорятъ ни нравственное невѣжество, ни крайняя порочность нѣкоторыхъ людей. Если есть люди, у которыхъ зрѣніе слабо, или не вѣрно, или совсѣмъ помрачено; то изъ этого не слѣдуетъ, чтобы глазъ не былъ самою природою приспособленъ къ различенію вещей. Точно также и изъ того, что между людьми есть не-вѣжи, воры, злодѣи и под., никакъ не слѣдуетъ, будто человеку не прирождена способность различать доброе отъ злаго.

На основаніи богооткровеннаго ученія о богоподобіи человека можно составить себѣ нѣсколько яснѣйшее понятіе о прирожденности намъ началъ нравственныхъ. Творецъ міра отпечаталъ Себя на всемъ созданіи своемъ. Но

въ видимой природѣ Онъ отпечатѣлъ себя такъ, какъ художникъ отпечатѣваетъ себя въ своихъ произведенiяхъ. Образы художественныхъ произведенiй находятся въ душѣ художника и, воплощаясь въ его въ извѣстныхъ формы, указываютъ на свойства таланта его. Подобнымъ образомъ идеи Творца выражаются въ Его творенiяхъ; почему весь видимый мiръ носитъ на себѣ печать Его безконечныхъ совершенствъ. Но человекъ не есть только воплощенiе идеи Творца своего. Онъ отражаетъ въ себѣ самое существо Божiе. Богъ создалъ его по образу и по подобiю своему. А такъ какъ Богъ есть высочайшая истина и добро; то и ему по самой природѣ своей свойственно стремиться къ истинѣ и добру. И если каждое существо естественно вырастаетъ въ то, что заложено въ его сѣмени какъ гнѣздо его полного раскрытiя; то человеку естественно вырастать въ подобiе Творца своего, такъ что, съ раскрытiемъ личности, въ немъ должно развиваться сознанiе о томъ, чѣмъ онъ долженъ быть какъ человекъ, чтó сообразно и несообразно съ его природою, чтó составляетъ достоинство его жизни и чтó противно его назначенiю.

Сознавая качества своихъ дѣйствiй, человекъ выѣтъ съ тѣмъ чувствуетъ довольство или недовольство собою. Всякое доброе дѣло наше сопровождается въ насъ чувствомъ возгнѣннаго удовольствiя, а порочныя дѣйствiя нарушаютъ миръ души нашей и порождаютъ въ насъ болѣе или менѣе сильное смущенiе, безпокойство, страданiе. Это нравственное самоощущенiе, конечно, не всегда и не во всѣхъ одинаково. Иногда человекъ мало или совсѣмъ не смущается порочными поступками своими и даже находитъ сладость, но крайней мѣрѣ временную, въ рабствѣ какой-нибудь порочной страсти своей. Но такъ бываетъ не потому, чтобы кто-нибудь по природѣ своей неспособенъ былъ чувствовать удовольствiе отъ добра и страданiе отъ зла, а потому, что душевныя чувства могутъ также притупляться и извращаться, какъ и чувства тѣлесныя. Отъ

долгачаго, напрымѣръ, пребываніи въ атмосферѣ, паподневной вредными газами, обоняніе наше тунѣеть такъ, что уже мало или совсѣмъ не чувствуется нами смядъ воздуха; отъ частаго употребленія въ пищу или питье раздражающихъ веществъ вкусъ нашъ низвращается до того, что простое, питательное намъ уже не нравится, а искусственное и вредное мы находимъ для себя пріятнымъ. Подобнымъ образомъ, привыкая къ порочному поведенію, человекъ можетъ терять чувство стыда и раскаянія, хотя бы и не теряетъ вполне сознанія своей порочности. Привычка—весьма важное дѣло какъ въ физической, такъ и въ нравственной жизни. Пьяница не можетъ не сознать, что онъ ведетъ себѣ худо, что, предаваясь своему пороку, онъ и вредитъ своему здоровью, и глубоко унижаетъ себя въ глазахъ другихъ, и подвергаетъ себя опасности остаться безъ всякихъ средствъ къ жизни; однакожъ чувства стыда и страха становятся въ немъ до того слабыми, что ни безобразіе, ни пагубность порока не удерживаютъ его отъ привычнаго невождержанія. Бываетъ также, что человекъ привыкаетъ ко лжи до такой степени, что несколько не смущается, говори очевидную неправду, а какъ будто бы самъ уже вбрызгъ тому, что выдумываетъ для другихъ.

Грѣбнѣйшая связь нравственного сознанія съ такимъ же самоощущеніемъ образуетъ въ насъ какъ бы особую нравственную силу, которую мы называемъ совѣстію. Совѣсть не есть въ насъ нѣчто, совершенно независимое отъ разума. Хотя человекъ нерѣдко, и не обсуждая своихъ дѣйствій, ощущаетъ отъ нихъ внутреннее удовольствіе или неудовольствіе, по въ подобныхъ случаяхъ онъ ценно различаетъ, какъ образуется въ немъ то ли другое нравственное чувство и ему кажется непосредственнымъ то, что на самомъ дѣлѣ не таково. И въ обыденномъ быту нашемъ бываетъ, что мы иногда, такъ сказать, вдругъ застаемъ себя въ веселомъ или печальномъ расположеніи духа, какъ будто расположеніе это явилось въ насъ помимо всякой мысли

о чемъ бы то ни было пріятномъ или непріятномъ для насъ; но въ дѣйствительности мы непремѣнно настроивъ себя такъ или иначе какими нибудь представленіями или сужденіями, которыя только успѣли исчезнуть изъ сознанія нашего прежде, чѣмъ остановилось на нихъ вниманіе наше. Въ праведномъ самоощущеніи подобные случаи могутъ быть тѣмъ чаще, чѣмъ меньше человѣкъ привыкъ къ духовному самонаблюденію; потому что для яснаго различенія духовныхъ отправленій нашихъ требуется особенное вниманіе. Какъ скоро совѣсть наша, какъ обыкновенно говорится, неспокойна, — это значитъ, что мы осуждаемъ себя за что нибудь, хотя бы и не обсуждали подробно въ данномъ случаѣ поведенія нашего. И наоборотъ: словесныя совѣти при извѣстныхъ поступкахъ, совершаемыхъ нами вопреки какимъ нибудь предубѣжденіямъ или расчетамъ людскимъ, но согласно съ праведнымъ закономъ, свидѣлствуютъ о внутреннемъ самооправданіи нашемъ, хотя бы мы и не разбирали нарочито качества своихъ дѣяній. Да не всегда и нуженъ такой разборъ. Иногда, даже въ болышею ли частію, само собою ясно и понятно, что хорошо и что худо. Поэтому худое дѣло сразу можетъ производить въ насъ болѣзненное ощущеніе, равно какъ доброе — чувство удовольствія. Но тѣмъ не менѣе это — не непосредственныя чувства, а плодъ сознанія законности или незаконности дѣла.

Итакъ совѣсть нельзя назвать въ собственномъ смыслѣ особою въ насъ силою или способностію: подъ нею разумѣется примѣненіе общихъ способностей нашихъ понимать и чувствовать къ нашимъ собственнымъ дѣйствіямъ, имѣющимъ болѣе или менѣе важное значеніе для насъ. За всѣмъ тѣмъ слово *совѣсть* справедливо занимаетъ высокое мѣсто въ ряду психологическихъ терминовъ; потому что имъ означаетсѣ такое отправленіе указавшихъ силъ духа, въ которыхъ какъ бы исчезаетъ всякая сложность и, что всего важнѣе, является правило чловѣческихъ дѣйствій. Если внутреннее сужденіе объ извѣстныхъ предметахъ природы

или произведений искусства, сопровождаемое также особыми душевными движениями въ насъ, имѣеть для себя особое названіе: *вкусъ* (эстетическій), то еще больше заслуживаетъ особаго названія сужденіе нравственное, сопровождаемое особыми чувствами. Это также *вкусъ* и притомъ — гораздо высшій, *вкусъ* нравственный. Справедливо также совѣсть называютъ голосомъ Божиимъ въ душѣ человѣка. Можно также приложить къ ней выраженіе одного изъ древнихъ благочестивыхъ писателей: Богъ положилъ *око свое на сердце людей* (Сирах. 14, 7). Только подобнымъ метафорическимъ наименованіемъ не надобно давать такого смысла, какъ будто бы совѣсть есть нечто всегда чистое и непогрѣшимое въ человѣкѣ, какъ чисто око Всевидящаго и непогрѣшимо слово Всеправеднаго. Ея назначеніе дѣйствительно — быть органомъ въ человѣкѣ воли Божіей; но чѣмъ она можетъ дѣлаться въ немъ, до какой степени можетъ сама погрѣшиться, — на это, къ прискорбію, всегда довольно печальныхъ примѣровъ между нами.

Нѣкоторые совѣсть иначе понимаютъ нравственный законъ въ человѣкѣ и его проихожденіе. Не лишнимъ считаемъ сдѣлать здѣсь хотя краткія замѣчанія о такъ называемомъ утилитаризмѣ; потому что это ученіе находятъ, кажется, многихъ послѣдователей себѣ; нѣкоторые въ немъ видятъ какъ будто какое-то нравственное открытіе, способное произвести благотворный переворотъ въ направленіи человеческой жизни, тогда какъ на самомъ дѣлѣ имъ подрывается нравственность въ самыхъ основаніяхъ ея.

Утилитаризмъ отрицаетъ природность нравственныхъ началъ. По этой теоріи, качества нашихъ дѣйствій должны опредѣляться не отвлеченными понятіями и представленіями о достоинствѣ и высшемъ назначеніи человѣка, не внутреннимъ чувствомъ, а послѣдствіями, какія проистекають отъ нихъ для счастья, какія послѣдней цѣли всѣхъ желаній и стремленій человеческихъ. Хорошо то, что полезно; худо то, что вредно. Осмотритесь, говорятъ, вокругъ

себя, поймите, что даетъ возможность хорошо устроиться на землѣ какъ вамъ самимъ, такъ и другимъ, и сообразно съ тѣмъ поступайте въ частной и общественной вашей жизни. *Наибольшее довольство на землѣ наибольшаго числа людей*—вотъ идеалъ, къ которому мы должны стремиться. Такова сущность ученія утилитаристовъ.

Очевидно, это не новое ученіе праведности, а отрицаніе праведной науки и замѣна ея наукою объ общественномъ и частномъ домоустройствѣ, совѣмъ не тождественною съ наукою о добродѣтели. То, о чемъ проповѣдуетъ утилитаризмъ, составляетъ предметъ политической экономіи, или другой какой либо науки, но никакъ не правовѣднія. О пользѣ не можетъ, конечно, не говорить и наука праведности; но въ ней полезное въ полной зависимости отъ добраго, а не на оборотъ. Добро и польза неразрывны только въ томъ смыслѣ, что отъ упражненія въ добродѣтели человекъ дѣлается лучше, совершеннѣе; но лучше ли ему отъ этого въ житейскомъ быту, умножается ли чрезъ это его вѣншее благополучіе — это вопросъ для нравовѣднія, но меньшей мѣрѣ, второстепенный. Счастье есть, бесспорно, послѣдняя цѣль человѣческихъ желаній и стремленій, но счастье по понятію нравовѣдителя совѣмъ не то же, что счастье по понятію утилитариста.

Утилитаризмъ можетъ правиться многимъ своею практичностью. Онъ и родился въ средѣ народа, отличающагося по преимуществу практическимъ направленіемъ (въ Англіи). Однакожъ люди вообще едва ли когда примутъ такое ученіе; потому что съ принятіемъ его человеку необходимо отречься отъ самыхъ высшихъ понятій и стремленій своихъ и вычеркнуть изъ всѣхъ языковъ тѣ слова, которыми наиболѣе выражаются отличительныя черты достоинства и превосходства челоѣческой природы.

Въ самомъ дѣлѣ, какъ скоро польза есть единственный двигатель нашихъ дѣйствій и наибольшее наслажденіе житейскими благами — послѣдняя цѣль нашихъ желаній и

стремлений; то что значать такіа добродѣтели, какъ безкорыстіе, великодушіе, милосердіе и подобн.? Политическая экономія, заступающая мѣсто науки о добродѣтели, знаетъ только расчеты пользы и даетъ правила благоразумія, уравновѣшивающія частную и общественную выгоды; поэтому въ языкѣ ея не можетъ быть мѣста словамъ, означающимъ такіа качества человѣческихъ дѣйствій, которыя слишкомъ мало или совсемъ не зависятъ отъ соображеній экономическихъ. Вели, напримеръ, человекъ, хорошо понимающій свои выгоды и ясно сознающій связь частныхъ и общественныхъ интересовъ, не беретъ взятокъ, не пользуется случаями къ обогащенію себя на счетъ другихъ и даже ради общей пользы отказывается отъ какихъ нибудь своихъ частныхъ выгодъ; то есть ли это человекъ въ собственномъ смыслѣ безкорыстный? Отличается ли онъ тѣмъ благородствомъ души, которое составляетъ существо безкорыстія, какъ добродѣтели? Добродѣтель эта имѣетъ мѣсто только тамъ, гдѣ своскорыстіе считается постыднымъ свойствомъ и дѣломъ, независимо отъ вреда его для кого бы то ни было, и честность сама по себѣ цѣнится, какъ высокое качество, а не порождается какими нибудь, хотя бы весьма умными и дальновидными, расчетами житейскими. Или: если кто не хочетъ мстить за обиды и оскорбленія потому только, что гораздо полезнѣе для себя оставить оставшихъ безъ вниманія или сносить терпѣливо разныя непріятности отъ другихъ, чѣмъ вооружаться противъ оскорбителей и платитъ имъ взаимными оскорбленіями, или преслѣдовать ихъ судомъ и изысканіями; то заслуживаетъ ли такой человекъ названія кроткаго, или великодушнаго? Сдержанность и самообладаніе, конечно, стѣять во всякомъ случаѣ одобренія, но порождающая ихъ разсчетливость лишаетъ ихъ всякаго величія, тѣмъ болѣе, что она не изгоняетъ изъ души человека злобы, печальности, презрѣнія и подобныхъ низкихъ чувствъ. Великодушный прощаетъ потому, что въ наносимыхъ ему оскорбленіяхъ и обидахъ видитъ зло не

столько для себя, сколько для самих обижающихъ, которые такъ мало думаютъ о недостойнствѣ и преступности своихъ дѣйствій. *Отче, прости имъ: они не знаютъ, что дѣлаютъ!*—вотъ идеалъ великодушія, который совершенно непонятенъ утилитаристу и отъ котораго ученіе утилитарной нравственности старается отводить людей какъ можно дальше. И всѣ вообще добродѣтели теряютъ самыя существенныя свои свойства, какъ скоро ихъ преобразуютъ только въ полезныя дѣйствія. Утилитаризмъ обездушиваетъ ихъ и оставляетъ отъ нихъ однѣ нравственныя формы безъ соответствующаго имъ содержанія.

Кромѣ того, утилитарное правоученіе имѣетъ въ виду только внѣшнее и по преимуществу общественное поведеніе человека, а внутренней его жизни не касается. До чистоты сердца, этаго исходища нравственности, ему нѣтъ, такъ сказать, никакого дѣла. Онъ даже врагъ аскетизма, то есть, всякихъ средствъ въ борьбѣ успѣшному искорененію дурныхъ наклонностей въ человѣкѣ, особенно чувственныхъ. Для него всякій аскетизмъ есть нѣчто противоестественное, предразсудочное и вредное для блага жизни. Не говоримъ о какихъ нибудь частныхъ направленіяхъ и способахъ подвижничества, въ которыхъ могутъ встрѣчаться крайности; съ утилитарной точки зрѣнія подвижническій характеръ жизни вообще представляется неразумнымъ и похожимъ на медленное самоубійство. Такъ какъ по „началу пользы“ надобно искать наибольшаго наслажденія въ жизни, а чувственными наслажденіями и по количеству, и по свойству своему кажутся главнѣйшею составною частію житейскихъ удовольствій; то понятна вражда утилитаризма противъ аскетическихъ правилъ жизни и благосклонность его къ чувственности. Въ этомъ отношеніи онъ близко сходится съ древнимъ эпикурействомъ, съ плодами котораго достаточно знакомитъ насъ исторія древняго греко-римскаго общества.

Что утилитаризмъ объединяетъ интересы людей и по-

Труды Киевск. Академіи, 1879 г. т. III.

14

буждаетъ каждого искать не своихъ только выгодъ, но и болѣе или менѣе общей пользы, въ этомъ — его достоинство. Но, во первыхъ, это не открытіе съ его стороны Богооткровенное ученіе искони заповѣдываго людямъ относиться другъ къ другу такъ, чтобы каждый заботился не о себѣ только, но и о другихъ, и притомъ по побужденіямъ несравненно высшимъ, чѣмъ какія дать для этого ученіе утилитаристовъ. Во вторыхъ, принципъ утилитаризма таковъ, что въ немъ весьма легко могутъ находить оправданіе для себя эгоизмъ и грубая чувственность, которые и безъ того слишкомъ сильны въ человѣкѣ. А это ведетъ вовсе не къ распространенію и умноженію благосостоянія людей, а прямо къ противоположному явленію.

2) Всякій разъ, когда человѣкъ дѣйствуетъ волюнтію сознательно, онъ дѣлаетъ то или другое по своей волѣ, потому что одно хочетъ, а другаго не хочетъ дѣлать. Свобода воли нашей такой фактъ, который не требуетъ для себя, кажется, никакого доказательства; сомнѣніе въ ней представляется столько же неестественнымъ, сколько неестественно было бы сомнѣніе человѣка въ собственномъ существованіи своемъ. Не смотря однакожъ на непосредственную увѣренность людей въ своей способности опредѣлять себя къ дѣйствіямъ, возможно и есть не только сомнѣніе въ дѣйствительности свободнаго самоопредѣленія нашего, но и прямое отрицаніе его. Свободная дѣятельность, говорятъ, какъ нѣчто безпричинное, совсѣмъ немислима; ничего произвольнаго въ мірѣ нѣтъ и не можетъ быть. Какъ всякое другое существо въ природѣ, и человѣкъ опредѣляется къ дѣйствіямъ различными возбужденіями природы, которыя вызываютъ въ немъ воздѣйствія; только связь между причиною и слѣдствіемъ въ этомъ случаѣ болѣею частію ускользаетъ отъ его вниманія, и ему кажется, что онъ дѣйствуетъ не по необходимости, а отъ себя, какъ хочетъ. Это будто бы одна изъ иллюзій, кото-

рыхъ у людей вообще много и которые разсѣяются только свѣтомъ науки.

Съ отрицаціемъ свободной воли въ человѣкѣ, очевидно, отрицается существенное различіе между міромъ физическимъ и нравственнымъ. Но, не касаясь подробностей такого міровоззрѣнія, по которому человѣкъ приковывается къ природѣ наравнѣ съ окружающими его предметами, можно ограничиться здѣсь слѣдующими простыми наблюденіями и соображеніями, достаточно подтверждающими справедливость непосредственной упрѣренности нашей въ свободѣ нашей воли.

Если не всегда, то большою частію мы можемъ ясно различать, что побуждаетъ насъ къ извѣстному дѣйствію, можемъ противиться хотя и сильнымъ, но не добрымъ побужденіямъ, а когда увлекаемся ими, то сами сознаемъ, что не устояли противъ ихъ силы и желали бы невѣрныхъ намъ совершенныхъ при такихъ обстоятельствахъ поступковъ нашихъ, такъ какъ бы они были не нашими дѣйствіями. Перѣдко, напримѣръ, въ сильномъ огорченіи или раздраженіи или страхѣ человѣкъ говоритъ или дѣлаетъ не то, что обыкновенно считаетъ справедливымъ, приличнымъ и т. п.; за то, осуждая потомъ самъ свои рѣчи или поступки, сознается со скорбію: у меня вышло это слово повольпо, я сдѣлалъ это самъ не знаю какъ. Бываетъ также, что больные, подержанные какими нибудь опаснымъ для нихъ или и для другихъ припадкамъ, чувствуя приближеніе припадка, просятъ удалить отъ себя какія нибудь вещи, чтобы не пагубить ими вреда себѣ, или даже связать себѣ руки. Подобныхъ явленій не могло бы быть, если бы мы всегда и во всемъ подчинены были неотразимому вліянію дѣйствующихъ на насъ вѣдшихъ силъ. Можетъ быть, многое изъ того, что нами дѣлается, въ самомъ дѣлѣ есть не болѣе, какъ слѣдствіе не отъ насъ зависящихъ возбужденій тѣлеснаго или духовнаго организма нашего и только по недоразумѣнію считается нами дѣломъ

свободнымъ, но въ такихъ случаяхъ, мы очевидно, смѣшиваемъ двѣ вещи, изъ которыхъ каждая существуетъ особо, а никакъ не выдумываемъ того, чего вовсе нѣтъ. Иллюзія наша состоитъ только въ томъ, что намъ представляется нѣчто, чего нѣтъ въ данное время и въ данномъ мѣстѣ, а не въ томъ, чтобы представляющееся намъ никогда и нигдѣ не существовало.

Свободная дѣятельность наша не безпричинна; только всѣ причины ея сводятся въ одной, первой причинѣ, то есть, къ свободной волѣ. Первую же причину не только можно, но и нельзя не мыслить. Законъ причинности есть, конечно, одинъ изъ коренныхъ законовъ нашего мышленія; но имъ не исключается мысль о первой причинѣ; въ противномъ случаѣ онъ отрицалъ бы другой, также коренной законъ мышленія, по которому не должно быть противорѣчія въ сужденіи. Въ самомъ дѣлѣ, простирая цѣпь причинъ до безконечности значило бы впадать въ прямое противорѣчіе. Такъ въ области бытія вообще необходимо допустить такое начало, которое уже не имѣло бы для себя другого начала; безъ этого невозможно мыслить происхожденіе вещей. Какимъ образомъ мы могли бы объяснить существованіе даннаго предмета, если бы рядъ причинъ, обусловливающихъ его существованіе, былъ безконеченъ? Безконечнаго пространства нельзя пройти и слѣдовательно какъ бы ни далеко была отъ данной вещи первая причина ея, но такая причина должна быть, иначе вещь не существовала бы, такъ какъ изъ безконечности нельзя дойти ни до какого опредѣленнаго пункта бытія. Вотъ почему атеизмъ есть не только нечестіе, но и безуміе или безсмысліе, какъ называетъ его богодухновенный писатель, говоря: *рече безуменъ въ сердцѣ своемъ: нѣсть Богъ*. И въ области нравственной дѣятельности нашей такъ же должно быть такое начало, которое составляетъ первую причину дѣйствій. Существо разумно-нравственное есть въ извѣстной мѣрѣ творецъ своей нравственной жизни: отъ его

воли главнымъ образомъ зависить то, изъ чего слагается эта жизнь. Противоположный взглядъ на дѣло, при атеистическомъ образѣ мыслей, приводитъ къ противорѣчіямъ, заставляя признать даромъ природы то, чего нѣтъ въ самой природѣ, а при вѣрѣ въ Творца и Промыслителя міра—къ богохульству, такъ какъ при такомъ взглядѣ всякое зло надобно относить къ Богу, какъ къ его первоисточнику.

Отрицаніе свободной воли въ человѣкѣ можетъ еще имѣть видъ серьезнаго ученія, пока оно излагается какъ теорія; но какъ скоро обращается вниманіе на приложимость его къ дѣлу, оно тотчасъ же является прямою несообразностію; потому что, при примѣненіи его къ общественной жизни, слѣдовало бы напередъ отказаться отъ всякаго разумнаго порядка въ ней. Гдѣ нѣтъ свободныхъ дѣйствій, тамъ не можетъ быть рѣчи ни о какой вмѣняемости поступковъ; а гдѣ нѣтъ вмѣняемости, тамъ нѣтъ мѣста закону, нѣтъ основанія ни для правъ, ни для обязанностей, нельзя различать ни заслугъ, ни преступленій, не должно быть потому ни наградъ, ни наказаній, безъ чего однакожъ общество человеческое совершенно не мыслимо. Между самыми поборниками теоріи механизма всѣхъ безъ различія дѣйствій въ мірѣ *едва ли были и есть люди, которые не возмущались бы неправдами другихъ и не хотѣли бы привлекать, по крайвей мѣрѣ, своихъ оскорбителей къ законной отвѣтственности и, слѣдовательно, не считали бы подобныхъ людей виновными въ злоупотребленіи своею волею, которое возможно только тамъ, гдѣ воля свободна.*

ЧТЕНІЕ ВТОРОЕ.

Нравственность и благочестіе.

Имѣя въ себѣ законъ своей дѣятельности и свободную волю, человѣкъ имѣетъ, кажется, все, что нужно ему для правильной жизни. Но, при ближайшемъ вниманіи къ дѣлу, не трудно усмотрѣть несостоятельность такого сужденія.

Если нравственный законъ есть примѣненіе сужденій нашего разума къ собственнымъ нашимъ дѣйствіямъ; то сужденія эти должны паходиться въ неразрывной связи съ общими понятіями нашими о бытіи и жизни, то есть, съ понятіями о происхожденіи міра вообще и челоѣка въ частности, о мѣстѣ, какое занимаетъ челоѣкъ въ мірѣ, о послѣдней цѣли его жизни и под. Каково бы ни было міровоззрѣніе у челоѣка, но оно должно быть у него; оно ему необходимо, потому что разумное существо не можетъ жить слѣпо, не представляя о томъ, гдѣ начало и конецъ его жизни и къ чему долженъ стремиться онъ, какъ къ послѣдней своей цѣли. Поэтому самое отрицательное направленіе философствующей мысли всегда заканчивается чѣмъ нибудь положительнымъ, хотя бы только по виду. Такъ, когда говорятъ, что челоѣку не дано знать первыхъ причинъ бытія и послѣднихъ цѣлей существующаго, что мы должны ограничиться изслѣдованіемъ того, что подлежитъ нашему наблюденію, не задаваясь вопросами, выводящими насъ изъ круга опытнаго познанія; то на этомъ не останавливаются на самомъ дѣлѣ, но вмѣстѣ съ тѣмъ имѣютъ въ мысли, или высказываютъ и прямо такое положеніе: первыя причины и послѣднія цѣли бытія вовсе не нужны; существующее не требуетъ оправданія своего существованія; міръ не произшелъ, онъ просто есть, и не выполняетъ никакой задачи, а существуетъ и дѣйствуетъ по присущимъ ему законамъ. Здѣсь чистому отрицанію даютъ форму положительнаго взгляда именно потому, что необходимо имѣть какое нибудь положительное воззрѣніе на цѣлую систему бытія. Общее міровоззрѣніе не можетъ не отражаться и на понятіяхъ частныхъ. Отъ того то главнымъ образомъ и происходитъ различіе у разныхъ народовъ и въ разныя времена понятій о тѣхъ или другихъ добродѣтеляхъ и порокахъ. Хотя нравственный законъ не существуетъ своемъ всегда и у всѣхъ одинъ и тотъ же; но приложеніе его можетъ быть неодинаково, по неодинаковому пониманію того, къ чему онъ при-

лагается. Справедливость, напримѣръ, всегда и всеми признается добродѣтелью, но смотря потому, какое гдѣ господствуетъ понятіе о происхожденіи различныхъ племенъ и народовъ и о другихъ отличіяхъ людей другъ отъ друга, долгъ справедливости можетъ быть понимаемъ весьма различно. Подъ вліяніемъ того или другаго міровоззрѣнія можетъ быть неодинаково понимаемо и самое существо нравственныхъ требованій. Мы видѣли, какъ понимаютъ нравственность утилитаристы и какъ другіе мыслители объясняютъ нашу свободную дѣятельность: подобныя ученія суть несомнѣнные отраженія извѣстныхъ взглядовъ на цѣлую систему бытія.

Общее міровоззрѣніе не создается каждымъ для себя; за немощными исключеніями, оно является у людей, какъ свыше данная истина, въ религіи. Ни одинъ народъ не жилъ безъ религіи. Религія даетъ отвѣты на общіе и основныя вопросы жизни, и таковы бы эти отвѣты ни были, они всегда имѣютъ великое значеніе для нравственной жизни. Отдѣльное отъ религіи нравственное ученіе можетъ существовать въ какихъ нибудь философскихъ школахъ, но не въ средѣ цѣлыхъ народовъ. А такъ какъ существо религіи состоитъ въ богопочтеніи, то и нравственность всегда и вездѣ носить характеръ благочестія. Какъ религіозное существо, человѣкъ смотритъ на свои обязанности, не только въ отношеніи къ самому Божеству, но и вообще какъ на предписанія Божества, и потому вѣрованія его отпечатлѣваются на всемъ его поведеніи.

Изъ этого же видно, что и высшая обязательность нравственнаго закона опирается на религію. Побужденія къ исполненію его, говорятъ, должны заключаться въ самомъ достоинствѣ его требованій: что хорошо, то должно быть дѣлаемо потому, что хорошо. Но пока мы имѣемъ дѣло только сами съ собою, такое побужденіе не способно сильно дѣйствовать на нашу волю. Если для человѣка нѣтъ авторитета, высшаго его собственнаго закона; то ему

слишкомъ трудно бороться со многими влеченіями своими, которыя хотя противны закону, но такъ сильны, что бороться съ ними у него не достаетъ ни нравственной твердости, ни даже желанія, и онъ тѣмъ легче будетъ подчиняться имъ, что они представляются въ немъ также естественными, какъ и самый законъ. Для того, чтобы требованія закона имѣли для него безусловно - обязательную силу, онъ долженъ слышать въ нихъ голосъ верховнаго законодателя, которому принадлежитъ полная власть требовать и запрещать, что Ему угодно, и отъ котораго зависитъ вся судьба его. Хотя при этомъ побужденіемъ къ добродѣтели служить какъ будто нѣчто внѣшнее; но въ дѣйствительности мы тогда только и дѣлаемъ добро для добра, когда дѣлаемъ его ради Бога, потому что Богъ есть высочайшее добро, и нравственный законъ нашъ есть не что иное, какъ откровеніе Его воли въ насъ.

Наконецъ, какъ жизнь вообще не мыслима безъ постоянного общенія съ первымъ ея источникомъ, и каждый мигъ ея продолженія столько же зависитъ отъ Бога, сколько и самое начало, такъ и жизнь разумно-нравственныхъ существъ не можетъ быть отрѣщенной отъ жизни Божіей и способною развиваться изъ себя самой, ничего больше не почерпая изъ того источника, изъ котораго она возникла. Никогда не чувствуетъ себя человѣкъ такимъ беспомощнымъ, какъ въ трудныя минуты нравственныхъ испытаній, когда зло насильно влечетъ его къ себѣ и какъ бы издвигается надъ его усиліями сохранить свое человѣческое достоинство. *Желаніе добра есть во мнѣ, а чтобы сдѣлать оное, того не нахожу. Добра, котораго хочу, не дѣлаю; а зло, котораго не хочу, дѣлаю* (Римл. 7, 18—24). Это горькое сознаніе—не исключительное какое нибудь явленіе. Не частный человѣкъ жалуется такъ горько на свое личное нравственное состояніе; таково вообще состояніе человѣка, предосажденнаго себѣ самому. Развѣ тотъ не знаетъ ничего подобнаго, кто никогда не думалъ о своемъ нрав-

ственномъ долгѣ, о своемъ человѣческомъ достоинствѣ, и привыкъ служить своимъ влеченіямъ и страстямъ, не различая ихъ качествъ и не заботясь о томъ, какіе плоды принесетъ ему такое самоугожденіе. Гдѣ же человѣкъ можетъ искать ободренія и помощи для себя въ нравственныхъ нуждахъ своихъ, какъ не у Бога, поколику въ Него вѣруеть!

Такая связь нравственности съ религіею! Много было и есть такихъ религій у людей, въ которыхъ и понятія о Божествѣ и образъ богопочтенія чрезвычайно грубы и далеки отъ истиннаго благочестія; но каковы бы ни были религіозныя вѣрованія народа, въ нихъ все таки есть задатокъ нравственнаго развитія его. Условіемъ возвышенія нравственности служить возвышеніе религіозныхъ понятій, но никакъ не отчужденіе отъ всякой вѣры. Цевѣріе—могила нравственности. Поэтому лучшіе изъ древнихъ представителей языческаго просвѣщенія, не раздѣляя вполнѣ вѣрованій своего народа, не хотѣли однакожъ ни сами отрываться, ни другихъ отрывать отъ религій. Такъ знаменитѣйшіе философы древней Греціи, Сократъ и Платонъ, соединяли въ себѣ съ любомудріемъ доступное имъ благочестіе. Внушая своимъ ученикамъ общее правило поступать всегда и во всемъ согласно съ разумомъ, они обращали при этомъ мысли ихъ къ верховному разуму, къ *царственному уму*, который всею управляетъ. Все доброе, учили они, разумно; жить добродѣтельно значитъ жить такъ, какъ прилично существу разумному. Но разумъ человѣческій есть не что иное, какъ отраженіе разума божественнаго, и потому человѣкъ, поступающій разумно, слѣдуетъ волѣ Бога, а, кто руководится, подобно животнымъ, только чувственными побужденіями своими, тотъ, преступая высшій законъ своей природы, является преступникомъ и предъ Богомъ, вложившимъ въ него этотъ законъ. Одинъ изъ учениковъ Сократа, передавая нѣкоторыя бесѣды его съ своими учениками, замѣчаетъ: я полагаю,

что такими разсужденіями Сократъ заставлялъ своихъ учениковъ воздерживаться отъ нечестія, неправды и порока не только тогда, когда ихъ видѣли другіе, но и когда они были одни, и жить въ такомъ убѣжденіи, что, чтобъ они ни дѣлали, отъ ока Всевидящаго ничто не укроется (Кесеноф. въ Достопамятн.). Извѣстно, что сограждане Сократа осудили его на смерть за безбожіе и развращеніе юношества; но что поставлено было ему въ вину, то самое свидѣтельствуетъ о высомомъ нравственномъ превосходствѣ его предъ своими обвинителями. Сократъ былъ самый благочестивый человѣкъ между язычниками, потому что старался чтить Божество исполненіемъ вложеннаго Имъ въ душу человѣка закона, не пренебрегая и внѣшними, не противными нравственности, требованіями своей религіи, и училъ тому же и другихъ. Но его обвинители понимали, какъ видно, только такое благочестіе, которое состоитъ изъ одномъ наружномъ служеніи богамъ и не имѣетъ отношенія къ внутренней жизни человѣка. Поэтому ученіе философа, обличавшее пустоту такой публичности и, къ тому же, не щадившее ни въ комъ живаго самолюбія, провозглашено было ими нечестіемъ и злою для общества. Къ прискорбію, насъ не могутъ удивлять подобныя явленія, послѣ того—какъ совершеннѣйшій Учитель благочестія и высочайшій образецъ святости объяснилъ было людямъ въ богохульствѣ и развращеніи народа и вознесенъ за то на крестъ.

Богооткровенный законъ ветхаго заветъ, въ нравственной части своей, быть, можно сказать, воспроизведеніемъ внутренняго закона нашего, который болѣе и болѣе помрачался въ сознаніи людей и искажался въ ихъ обычаяхъ и нравахъ. Какъ же изображается этотъ законъ?—Во главѣ его стоитъ заповѣдь верховнаго Законодателя: *Я Господь Богъ твой; ба не будетъ у тебѣ другихъ боговъ, кромѣ Меня*. И всѣ заповѣди первой скрижали относятся исключительно къ богопочтенію. Предписанія второй

скрижали, опредѣляющія отношенія людей другъ къ другу, очевидно зависятъ уже отъ первыхъ заповѣдей, такъ что весь законъ объединяется не внутреннею только связію частей своихъ, но и единою волею Законодателя. Въ новомъ завѣтѣ прямо указывается на такое единство его: *кто соблюдеть весь законъ и соприимтъ въ одною чашю нибудь, тотъ становится виновнымъ во всемъ*. Почему? — потому что *Тотъ же, Кто сказалъ: не прелюбодѣйствууй, сказалъ и: не убей; посему если ты не прелюбодѣйствуешь, но убьешь, то ты также преступникъ закона* (Іаковъ 2, 10—11). Такимъ образомъ всякое дѣло добра является обязательнымъ для насъ не само по себѣ, но — какъ требованіе Того, Кто далъ всему бытіе и установилъ порядокъ всякой жизни. Добра нѣтъ, какъ какой нибудь самостоятельной, отдѣльной отъ Бога сущности, оно есть хотѣніе Божіе. *Я Богъ твой: благоуждай предо Мною и будь непороченъ* (Быт. 7, 2): богъ что долженъ слышать человѣкъ во всѣхъ заповѣдяхъ богооткровеннаго закона. Правда само слово Божіе соединяетъ всегда съ исполненіемъ закона различныя блага жизни, а въ беззаконіи указываетъ источникъ различныхъ золъ; такъ въ заповѣди о почитаніи родителей указываются какъ бы естественныя плоды ея исполненія: *благъ тебѣ будетъ и долголѣтствъ будешь на земли*. Но подобные плоды, такъ сказать, не самородныя; это — благословеніе отъ Бога за повиновеніе Его волѣ. Равно и зло, постигающее беззаконниковъ, не есть только простое послѣдствіе естественныхъ причинъ, но — кара Бога за противленіе Ему. Короче: существо праведности, по ученію ветхаго завѣта, состоитъ въ послушаніи Богу, а всякій грѣхъ есть *нечестіе*, хотя бы онъ и не являлся прямымъ нарушеніемъ заповѣдей о богопочтеніи.

Въ христіанствѣ нравственность совершенно нераздѣльна съ благочестіемъ; потому что вѣра Христова учитъ не повиноваться только Богу, но жить въ Богѣ и Богомъ. Какъ бы законъ ни былъ святъ, говорить она, человѣкъ

не можетъ очищаться и освящаться только тѣмъ, что предписывается ему дѣлать. Чистая и святая жизнь можетъ познаться и развиваться только изъ благодатнаго сѣмени, которое насаждается въ человѣкѣ Богомъ чрезъ вѣру въ Иисуса Христа, Искупителя и Спасителя человѣческаго рода.

Когда Иисусъ Христосъ вступилъ на земное служеніе свое спасенію человѣка, то первыми словами проповѣди Его были: *покайтесь, ибо приблизилось царство небесное* (Матѣ. 4, 17). Съ такими словами обращался Онъ не къ одному какому нибудь разряду людей, для которыхъ нужно было исправленіе жизни по причинѣ ихъ порочности, а ко всѣмъ безъ исключенія. *Царство небесное*, или царство *Боже* (Марк. 1, 15; Лук. 17, 20—21) на землѣ издавна составляло предметъ горячихъ желаній и ожиданій народа іудейскаго, такъ какъ о немъ говорили пророки, какъ о непреложномъ обѣтованіи Божиѣмъ людямъ. Подъ конецъ древнихъ временъ и между язычниками распространилось отрадное чаяніе новаго вѣка, въ которомъ откроется новый совершеннѣйшій порядокъ вещей на землѣ. Но представленія объ ожидаемыхъ благахъ состояли въ томъ, что на землѣ, силою и волею Божества, прекратятся нужды и бѣдствія, преслѣдующія человека, не будетъ ни физическихъ, ни гражданскихъ безпорядковъ, настанетъ постоянный миръ, явится изобиліе плодовъ земныхъ и подобн. Иудеи, относя по преимуществу къ себѣ обѣтованія о царствѣ Божиѣмъ на землѣ, мечтали также о своемъ владычествѣ надъ всѣми другими народами. Вообще, въ виду у всѣхъ были только лучшія времена для человѣка, но объ улучшеніи самаго человѣка мало думали, или если и думали, то не о существенномъ исправленіи нравовъ и жизни, а развѣ о вышшемъ благоправіи и благочестіи. Иисусъ Христосъ, возвышая людямъ о наступленіи всѣми желаннаго времени, призываетъ ихъ первѣе всего къ покаянію, безъ котораго никто не можетъ войти въ царство Божіе. Въ чемъ же должно состоять покаяніе?—Въ коренномъ из-

мѣненіи понятій, желаній и стремленій, которыми люди привыкли руководиться въ своей жизни. Ибо *царство Божіе не приходитъ наружными образами, и не скажутъ: вотъ оно здѣсь, или вотъ, тамъ; царство Божіе должно быть внутри человека* (Лук. 17, 20—21). Оно *есть правда, миръ и радость во святомъ Дусѣ* (Римл. 14, 17). Поэтому, если его доселѣ (до пришествія Христа Спасителя) не было у людей, то это значитъ, что люди были не таковы, какими должны быть причастники этого царства. Теперь настало время, когда каждый можетъ сдѣлаться тѣмъ, чѣмъ должно быть сыну царства Божія; пусть же каждый *войдетъ въ себя*, создаетъ свою духовную нечистоту и безсиліе, отброситъ предрасудки, оставитъ всякое самоуменіе и обратится къ Богу съ искреннимъ желаніемъ духовнаго обновленія (Мате. 3, 9; Лук. 15, 17; 18, 10—14 и др.): *покайтесь, ибо приблизилось царство небесное.*

Еще яснѣе выражается такой смыслъ проповѣди Господней о покаяніи въ бесѣдѣ Іисуса Христа съ Никодимомъ (Іоан. гл. 3). Никодимъ принадлежалъ къ сословію *учителей израильтянъ*, которые прилежно занимались изученіемъ и истолкованіемъ закона Божія. Эти духовные вожди иудейскаго народа, справедливо поставляя праведность въ богоугожденіи, впадали однакожъ въ то важное и крайне вредное по своимъ слѣдствіямъ заблужденіе, что обращали вниманіе по преимуществу на обрядовое служеніе Богу, на дѣло внѣшняго благочестія, и слишкомъ мало заботились о внутренней чистотѣ жизни. Хотя противъ такого направленія сильно возставали еще древніе пророки, однакожъ оно не только не измѣнялось, но и становилось все болѣе и болѣе господствующимъ у іудеевъ, такъ что наружная пачебожность, или соблюденіе различныхъ обрядовыхъ постановленій и правилъ, сдѣлалось у нихъ почти единственнымъ мѣриломъ праведности. Понятно, какіе вопросы должны были занимать ихъ больше всего въ области духовнонравственной жизни: такъ называемая *базуистика* составляла у нихъ

главный предмет религіозно-правственнаго ученія, и нѣкоторые учителя приобрѣтали себѣ особый авторитетъ извѣстными положеніями такого характера. Можно думать, что и Никодимъ, обращаясь къ Іисусу Христу, какъ къ Учителю отъ Бога, хотѣлъ узнать отъ Него, какими дѣлами въ особености можно благоугодить Богу и заслужить мѣсто въ царствѣ Божіемъ. Но, какъ бы предупреждая подобныя вопросы, Іисусъ Христосъ началъ бесѣду свою съ нимъ такимъ положеніемъ, которое сразу открывало всю несостоятельность ученія книжниковъ іудейскихъ о путяхъ къ царству небесному. Чтобы сдѣлаться праведнымъ предъ Богомъ, сказалъ онъ, нужно человѣку внутренне *переродиться*, иначе никому нельзя войти въ царство небесное: истинно, истинно говорю вамъ: если кто не родится свыше, то не можетъ увидѣть царства Божія (ст. 3).

Велѣдствіе отпаденія человѣка отъ Бога, совершившагося въ самомъ началѣ исторіи человѣческаго рода, естественнымъ состояніемъ нашимъ сдѣлалось состояніе грѣховное. Частныя нарушенія нами правственнаго закона не суть отдѣльныя явленія, происходящія отъ особыхъ, случайныхъ причинъ; только второстепенныя причины каждаго порока различны, а корень всѣхъ пороковъ одинъ, это—раствлѣніе природы человѣческой. *Рожденное отъ плоти плоть есть*, говоритъ Господь (ст. 6). То есть, отъ грѣшниковъ могутъ рождаться только грѣшники; ибо подъ плотію въ св. Писаніи часто разумѣется вообще грѣховность человѣка (Быт. 10. 6; Гал. 5, 17—21). И пока человѣкъ остается такимъ, какимъ онъ рождается по естественному порядку, онъ не можетъ быть въ царствѣ Божіемъ, какъ не способный къ жизни свойственной *царству Божіему*. Такъ какъ *добрый человекъ* только изъ *добраго сокровища*, изъ чистаго сердца своего, *выноситъ доброе* (Матѣ. 12, 35); то пока сердце въ насъ не очищено отъ зла, иногда доброе дѣло наше не можетъ быть совершенно чуждо всякихъ нечистыхъ побужденій, которыя и лишаютъ добродѣтель истиннаго достоин-

ства и крѣпости. Господь Спаситель для того и явился на землѣ, чтобы, обновивъ въ себѣ самомъ человѣческую природу, обновить и всѣхъ, которые послѣдуютъ Его призыванію. И каждый истинный послѣдователь Его дѣйствительно получаетъ новое рожденіе свыше. *Тѣмъ, которые приняли Его, вѣрующимъ во имя Его, Онъ далъ власть быть чадами Божиими, которые не отъ крови, ни отъ хотѣнія плоти, ни отъ хотѣнія мужа, но отъ Бога родились* (Іоан. 1, 12—13). *Кто во Христѣ, тотъ новая тварь* (2 Кор. 5, 17).

Духовное обновленіе человѣка по вѣрѣ въ Іисуса Христа совершается впрочемъ не такъ, какъ создается новая вещь на мѣсто разрушенной или уничтоженной, но какъ восстанавливается поврежденный организмъ цѣлительными врачевствами. Христіанинъ, обновляемый истинною вѣрою, чувствуетъ въ себѣ новую жизнь, но слышитъ и старыя недуги, которые заявляютъ себя въ разныхъ похотѣніяхъ чувственности и самолюбія. Такимъ образомъ въ немъ остается еще, по выраженію св. Апостола, *ветхий человекъ*, постоянно враждующій противъ поваго. Надобно бодрствовать каждому надъ собою, чтобы не давать въ себѣ простора движеніямъ этого человѣка и противодействовать всякому проявленію его силы, подобно тому какъ, при выздоровленіи отъ тяжкой болѣзни, необходимо остерегаться всего, что служить признакомъ ея остатковъ въ тѣлѣ, и употреблять для уничтоженія ихъ всѣ возможныя мѣры. Въ томъ и состоитъ задача христіанской жизни, чтобы, какъ говоритъ Апостолъ, *отложить намъ прежній образъ жизни ветхого человека, непляскающаго въ обольстительныхъ помыслахъ, обновиться же духомъ умъ нашего и облечься въ новаго человека, созданнаго по Богу, въ праведность и святости жизни* (Ефес. 4, 21—24), пользуясь благодатію Божію, которая явилась (во Христѣ Спасителѣ нашемъ) именно для того, чтобы *научить людей, отвергнувъ нечестіе и мірскія похоти, жить цѣломудренно, праведно и блаженно* (Тит. 2, 11—14).

Послѣ этого, невозможно выдѣлять христіанскую прав-

ственность изъ цѣлаго содержанія христіанской вѣры. Въ христіанствѣ нравственное ученіе не освящается только вѣрою, но само есть вѣра, и благочестіе не входитъ только въ составъ требуемыхъ отъ христіанина качествъ, но составляетъ основу всей христіанской жизни.

ЧТЕНІЕ ТРЕТІЕ.

ОБЩІЯ ПАЧАЛА ХРИСТІАНСКОЙ ЖИЗНИ.

Главный христіанскій законъ.

Главнымъ началомъ христіанской жизни служить любовь къ Богу и ближнимъ: *возлюби Господа Бога твоего всею сердцемъ твоимъ, и всею душою твою, и всею разумніемъ твоимъ... и ближняго твоего, какъ самаго себя: на сихъ двухъ заповѣдяхъ утверждается весь законъ и пророки* (Матв. 22, 37—38). *Заповѣдь новую даю вамъ, да любите другъ друга. Какъ Я возлюбилъ васъ, такъ и вы да любите другъ друга. По тому узнаютъ всѣ, что вы Мои ученики, если будете имѣть любовь между собою* (Іоан. 13, 34—35). *Облекитесь, какъ избранные Богомъ, святые и возлюбленные, въ милосердіе, благодать, смиренномудріе, кротость, домотерпѣніе..., больше же всего въ любовь, которая есть совокупность совершенства* (Колос. 3, 12—14). Любовь къ Богу и къ ближнимъ—чувство единое и нераздѣльное. Корень и вершина его—въ любви къ Іисусу Христу—Богочеловѣку. Любить Господа Христа значитъ любить Бога и ближнихъ, или ближнихъ въ Бога. Вѣрное выраженіе христіанской любви или, какъ говоритъ Апостолъ, *любовь не словомъ или языкомъ, но дѣломъ и истиною* (1 Іоан. 3, 18), состоитъ въ такомъ отношеніи людей другъ къ другу, какое свойственно дѣтямъ одного отца: *если мы любимъ другъ друга, то Богъ въ насъ и любовь Его совершенна есть въ насъ* (1 Іоан. 4, 12).

Чувство христіанской любви противоположно эгоизму, составляющему существо ветхаго въ насъ чловѣка. Всякій,

кто способенъ вникать во внутреннюю связь вашихъ душевныхъ движеній, безъ сомнѣнія признаетъ безспорнымъ, что всѣ виды порока суть не что иное, какъ проявленіе преобладающаго въ человѣкѣ эгоизма, который дѣлаетъ его и нечестивымъ и печеловѣчнымъ, разобщая какъ съ Богомъ такъ и съ людьми. Духовное обновленіе человѣческаго міра состоитъ въ одушевленіи людей противоположнымъ такому расположенію вѣщамъ нравственной жизни, именно—любовію. Явилась въ міръ воплощенная божественная любовь и насадила въ немъ сѣмя любви. Всѣ вѣрующіе въ Иисуса Христа суть носители этого благодатнаго сѣмени и потому должны являть въ себѣ плоды его, по которымъ только и могутъ существенно отличаться отъ людей, не принявшихъ благодати обновленія. *Только любящій рожденъ отъ Бога и знаетъ Бога; кто не любитъ, тотъ не позналъ Бога, потому что Богъ есть любовь* (1 Иоан. 4, 7—8)

Какъ чувство, обращенное непосредственно къ Богу, любовь христіанская состоитъ въ томъ, что вѣрующій въ Иисуса Христа, духовно объединяясь съ Нимъ, или, по выраженію св. Апостола, *обискаясь* въ Него, чувствуетъ себя своимъ, приснымъ Богу (Рим. 8, 16. 1 Кор. 2, 19). Пять вѣкъ распространяться о томъ, что никакая религія и философія, ничто, кромѣ вѣры Христовой, не можетъ дать человѣку такого сознанія и чувства. Кто не знаетъ Сына Божія, соединившагося съ естествомъ человѣческимъ и соединившаго въ Себѣ человѣка съ Богомъ, тотъ не можетъ знать Бога, какъ Отца своего небеснаго. Хотя вѣковѣчный законъ и предписывалъ любовь къ Богу, какъ первую и высшую добродѣтель; но онъ не могъ самъ собою воспитать въ людяхъ такое чувство. Только избранные сыны Израиля, одушевляемые вѣрою въ грядущаго Искупителя и подъ особеннымъ руководствомъ Духа Божія какъ бы проникавшіе въ даль обѣтованнаго времени *явленія благодати и истины* (Іоан. 1, 17), возвышались до сыновнихъ чувствъ къ Богу; но и они не могли видѣть всего, что даровано лю-

дямъ самоотверженіемъ Возіймъ въ лицѣ Іисуса Христа (Евр. 11: 39—40). Потому то самъ Господь говорить, что *мыслии въ царствѣ Возіймъ*, открывшемся на землѣ съ явленіемъ Его людямъ, *болше величійнаго иль величавійнаго праведника* (Матѣ. 11, 11). Безъ сомнѣнія, несправедливо было бы понимать эти слова такъ, какъ будто всякій христіанинъ выше самихъ великихъ праведниковъ, ветхаго завета; но несомнѣнно, что ими означается превосходство духовнаго состоянія върующахъ въ пришедшаго Спасителя міра предъ сопоставлемъ людей, *только ожидавшихъ еще Его пришествія*. Никто изъ ветхозавѣтныхъ върующахъ не былъ совершенно изъять изъ поды *опеки закона*, подъ которою неизбежно сознаніе и чувство рабства: усыновленіе Богу получено людьми только чрезъ воплощеннаго Сына Божія, принесшаго Себя въ жертву Богу для освобожденія ихъ отъ всякаго духовнаго рабства (2 Кор. 5, 19—21; Гал. 4, 1—7). Такимъ образомъ каждому христіанину, какъ члену царства Христова, принадлежитъ то, чего во всей полнотѣ не имѣли самые избранники Божіи до времени откровенія на землѣ этого царства. Вообще же ветхозавѣтный законъ служилъ для народа, хотя избраннаго, но *жестокосердичнаго*, болше промъ, *непозволившаго ему безпрепятственно ходить по влеченіямъ грѣхонливаго сердца своего и подчинявшимъ его дѣйствіямъ строгихъ повелѣній и запрещеній*. Возіймъ, чѣмъ духовными узами, соединяющими людей съ Богомъ какъ съ Отцемъ ихъ небеснымъ. Что же касается языческаго міра, то существовавшее въ немъ богопочтеніе мало чѣмъ отличалось отъ рабодѣствованія слабаго человека предъ сильнымъ. Если одно сознаніе зависимости отъ Божества, и при встрѣѣ въ истиннаго Бога, способно порождать въ върующемъ только чувство страха предъ высочайшею, ведемъ управляющею Силою; то въ язычникѣ, при смутности и неразрѣченности его религіозныхъ попитій и представленій, и это чувство неизбежно подвергается сильнымъ искаженіямъ, или ослабѣвая въ немъ до равнодушія въ бо-

гамъ, или обращаясь въ побужденіе къ такому угожденію имъ, которое ниже даже челоукоугодничество. Конечно, по грубому общенародному богопочитаію въ язычествѣ несправедливо было бы судить о религіозно—нравственномъ состояніи всѣхъ язычниковъ; но извѣстно, что и въ лучшихъ представителяхъ языческаго благочестія религіозное чувство никогда не возвышалось надъ чувствомъ долга—оказывать Божеству повиновеніе, воздавать Ему подобающую честь и приносить благодареніе за Его благодѣянія.

Блаженны очи, видящія то, что вы видите, говорилъ Іисусъ Христосъ своимъ апостоламъ; ибо сказываю вамъ, что многие пророки и цари земли видѣли, что вы видите, и не видѣли, и слышали, что вы слышите, и не слышали (Лук. 10, 23—24). Что же видѣли и слышали апостолы?—Мы слышимъ, свидѣтельствуютъ они сами о себѣ, мы видѣли своими очами, разсматривали, и руки наши осязали Слово жизни. Ибо Жизнь явилась, и мы видѣли и содѣлательствоуемъ и возвышаемъ явльшуюся въ плоти жизнь, которая была у Отца и явилась намъ (1 Іоан. 1, 1—2). Но видѣніе, слышаніе, осязаніе вѣчной Жизни не было исключительнымъ преимуществомъ однихъ самовидцевъ воплотившагося Сына Божія. Хотя видимое пребываніе Іисуса Христа на землѣ было явленіемъ временнымъ; но, развѣ открывъ себя челоуческому міру, Онъ не сокрылся отъ него въ другомъ мірѣ такъ, чтобы сдѣлаться недоступнымъ для послѣдующихъ родовъ людей. Напротивъ, Его самооткровеніе людямъ достигло своей полноты именно тогда, когда Онъ окончилъ великое служеніе свое на землѣ и вознесся на небо. Тогда только и сами апостолы вполне уразумѣли то, чѣмъ былъ и есть для нихъ и для всего міра цѣль небесный Учитель; а до того и у нихъ, какъ у еммаусскихъ путниковъ, которымъ явился воскресшій Господь, очи еще держались, хотя сердца нѣ уже горѣли въ нихъ, чувствуя присутствіе съ ними Бога во плоти (Лук. 9, 55; Матѣ. 16, 23; 20, 22—29; Іоан. 14, 8—9; 16, 30—32 и друг.). На внутреннѣе еще не было Духа святаго,

пока *Иисусъ не былъ прославленъ* (Іоан. 7, 39). Излітіе Духа святаго на апостоловъ служить завершепіемъ искупительнаго дѣла Христова и вмѣстѣ какъ бы рожденіемъ церкви, въ которой съ тѣхъ поръ неотступно пребываетъ Духъ Божій, Духъ Христовъ, которымъ всякій истинно вѣрующій, истинный и живой членъ церкви, можно сказать, дышетъ какъ воздухомъ, — и сей самый Духъ свидѣтельностью нашему духу, что мы дѣлѣмъ *Боженіи* (Римл. 8, 16).

Любовь къ ближнимъ неразрывна съ любовью къ Богу. Гдѣ нѣтъ истинной любви къ Богу, тамъ не можетъ быть ни правильнаго понятія о ближнемъ, ни — тѣмъ больше истинной любви къ ближнимъ. А такъ какъ мы можемъ любить Бога только въ *Иисусѣ Христѣ*; то въ Немъ одномъ можемъ любить и ближнихъ. Потому то Господь и заповѣдь свою о любви къ ближнимъ называетъ *новомъ*, хотя по буквѣ она не представляется такою.

Въ раздѣленіи съ Богомъ, дохристіанскій міръ былъ крайне раздѣленъ и въ себѣ самомъ. Не только грубыя и нецивилизированныя племена, но и образованныѣе народы древности не признавали равенства всехъ людей по общечеловѣческому ихъ достоинству. Греки и римляне смотрѣли на другіе народы, какъ на варварскіе, съ которыми у нихъ какъ будто ничего не было общаго. И внутри ихъ собственныхъ государствъ между свободными и рабами, гражданами и чужими представлялось такое различіе, какое свойственно только существамъ различной природы. Въ самыхъ идеальныхъ республикахъ, какія создавались знаменитѣйшими мыслителями древности, рабство не исключалось. Если нѣкоторые изъ языческихъ писателей высказываютъ иногда мысли о братствѣ всехъ людей между собою; то не видно, чтобы такимъ мыслямъ придавалось серьезное значеніе: онѣ не проникали въ жизнь и нисколько не измѣняли общаго взгляда на существующее неравенство между разными людьми и цѣлыми народами. Одинъ израильскій народъ имѣлъ въ богодарованномъ ему законѣ ясное

свидѣтельство о единствѣ человѣческаго рода и объ одинаковомъ высшемъ назначеніи всякаго человѣка: но и онъ не составлялъ исключенія изъ древняго міра по характеру своихъ отношеній къ другимъ народамъ. Законъ Моисеевъ, безспорно, проникнутъ духомъ человеколюбія; но, какъ законъ по необходимости мѣстный, имѣвшій одною изъ главныхъ цѣлей своихъ оградить избранный народъ отъ пагубныхъ вліяній на него языческаго міра, онъ подалъ поводъ Израилю смотрѣть на всѣхъ иноплемениковъ съ гордостью и презрѣніемъ, какъ будто Богъ былъ только *его Богомъ*, и какъ будто онъ одинъ имѣлъ исключительное право на благоволеніе Божіе.

Такъ неправильно было самое понятіе о ближнемъ до времени евангельскаго откровенія. Но не одно исправленіе этого понятія нужно для того, чтобы возбудить любовь къ ближнимъ. Объяснить людямъ и увѣрить ихъ, что они всѣ на природѣ братья не значитъ еще создать братскія отношенія между ними. Хотя каждому существу естественно читать расположеніе къ подобнымъ себѣ существамъ, и человѣкъ, который утратилъ бы въ себѣ всякое сочувствіе къ другимъ людямъ, пересталъ бы быть человѣкомъ; но, во первыхъ, это сочувствіе постоянно и сильно стѣсняется самолюбіемъ, которое безспорно есть господствующее чувство въ поврежденной природѣ человѣческой,—во вторыхъ, между людьми всегда много такихъ, которые своими худыми свойствами и дѣлами внушаютъ какъ бы невольное отвращеніе къ себѣ или возбуждаютъ противъ себя негодованіе, ненависть и подоб. Такимъ образомъ для того, чтобы имѣть любовь къ ближнимъ, въ истинномъ значеніи этого слова, требуется нѣчто гораздо большее простаго сознанія братства всѣхъ людей по ихъ происхожденію и назначенію. И Господь Спаситель не ограничивается тѣмъ, что даетъ своимъ послѣдователямъ новый законъ жизни, но открываетъ имъ и самый источникъ новой жизни. Источникъ этотъ—въ Немъ Самомъ. Поэтому Онъ не отдѣляетъ

своего учения отъ своей личности, какъ это дѣлають и должны дѣлать самые мудрые учителя и законодатели человеческіе. Вѣровать въ Его слово значить вѣровать въ Него Самаго, познавать отъ Него истину значить познавать Его Самаго; слѣдовать Его заповѣдямъ значить пребывать въ Немъ. *Върусіте въ Меня. . . И путь, истина и жизнь... Премавайте во Мня и Я во васъ* (Іоан. 14, 1. 6; 15, 4). Какъ ни высоки и святы Его наставленія; но ими одними не создается христіанская жизнь: сила нравственная почерпается не въ евангельскихъ урокахъ, а въ духовномъ единеніи съ нѣмъ Провозвѣстникомъ. Потому истинные ученики Христовы познаются не по правотѣ только исповѣданной ими вѣры и не по чистотѣ только признаваемыхъ ими правилъ дѣятельности, а по любви христіанской. *Не всякій, говорящій Мня; Господи, Господи! войдетъ въ царство небесное, но исполняющій волю Отца моего небеснаго (отражающій въ себѣ Его совершенства, а Отецъ .солнце свое сіяетъ на злыхъ и добрыхъ и ожидаетъ на праведныхъ и неправедныхъ)* (Матѣ. 5, 45—48). *Мнози скажутъ Мня въ тотъ день: Господи, Господи! Не въ Твое ли имя мы пророчествовали, не Твоимъ ли именемъ бесовъ изгоняли и не Твоимъ ли именемъ мнози чудеса сотворили? И тогда объяво имъ: Я никогда не зналъ васъ* (Матѣ. 7, 21—23). Господь не признаетъ своихъ тѣхъ, которые хотя принимаютъ Его учене, вѣруютъ Его слову и исповѣдуютъ Его своимъ Господомъ, но не знаютъ Его Самаго, близки къ Нему только на словахъ, а сердцемъ далеки отъ Него (Матѣ. 15, 8). До какой степени подлинность или неподлинность послѣдованія Христу зависятъ отъ духовнаго союза съ нимъ, видно особенно изъ тѣхъ необыкновенно сильныхъ и съ перваго взгляда какъ будто даже чрезмѣрныхъ выраженій, какія иногда Отецъ употреблялъ, говоря объ отношеніи къ себѣ своихъ послѣдователей: *если кто приходитъ ко Мня и не возненавидитъ отца своего и матери, и жены, и дѣтей, и братьевъ, и сестеръ, и своей жизни; тотъ не можетъ быть Моимъ ученикомъ* (Лук. 14, 26).

Проводники и законоположники любви, безъ сомнѣня, не могъ быть въ тоже время разрушителямъ самыхъ дорогихъ и законныхъ союзовъ человѣческихъ; но сила въ томъ, что люди не иначе могутъ соединяться между собою въ общій, святой и перасторжимый союзъ, какъ только соединиться съ своимъ Господомъ Спасителемъ.

Соединяющіеся съ Господомъ есть одинъ духъ съ Господомъ (1 Кор. 6, 17). Отъ безконечной любви, обтекающей въ Иисусѣ Христѣ, какъ отъ божественнаго пламени, можетъ возжигаться любовь и въ сердцѣ каждаго, кто предается Ему сердцемъ. Если любовь не создается въ насъ усиленіемъ нашей воли, но возбуждается нечаянными на нашу душу лучами красоты и совершенства; то мы можемъ любить человека, какъ человека только тогда, когда человѣческая природа является предъ нами въ несравненно видѣ, въ благодѣйствіи ея богоподобіи. Такою мы и видимъ ее въ лицѣ Христа Богочеловѣка. Среди всѣхъ созданий Божіихъ не было и нѣтъ ничего возвышеннѣе и пріятнѣе, чѣмъ *человѣкъ Христовъ Иисусъ*, и насколько мы познаемъ Его умомъ и сердцемъ, настолько обрѣтаемъ въ Немъ не только Бога, но и себя самихъ, въ первосозданной красотѣ нашего богоподобія. Отблескъ Его славы отражается на всѣмъ, даже самомъ уничиженномъ существѣ человѣческаго рода. Каковы бы ни были недостатки или слабости того или другаго человека, они уже не закрываютъ отъ насъ его человѣческаго достоинства. Онъ принадлежитъ къ тому роду, представителемъ котораго есть самъ Господь Спаситель; онъ — одинъ изъ тѣхъ, которыхъ Глава человечества называетъ своими *любимыми братьями* (Матт. 25, 40); онъ можетъ быть принятъ, какъ вѣтъ, къ *божественной лозѣ*, можетъ сдѣлаться членомъ тѣла Христова. Предъ такимъ достоинствомъ всѣ личныя преимущества и отличія человѣческія, питающія обыкновенно человѣческое самолюбіе, ничтожны. Такъ, и только такъ, христианство научается во Христѣ любить своихъ ближнихъ.

Въ любви, заповѣдуемой Иисусомъ Христомъ, заключается истинное нравственное преобразование или возрожденіе человека. Одушевляемый такимъ живымъ и святымъ чувствомъ, человекъ не можетъ ограничиваться однимъ воздержаніемъ отъ запрещенныхъ закономъ дѣйствій, но будетъ постоянно стремиться къ совершенію всего добраго. Это то одушевленіе къ добру и составляетъ высшую отличительную черту христіанскаго направленія и духа. Црвовія правила нравственности состоятъ большею частію въ запрещеніяхъ: *не убій, не прелюбы сотвори, не укради* и проч. Для христіанина слишкомъ мало было бы не быть только нарушителемъ этихъ правилъ. Иисусъ Христосъ не высоко цѣнитъ одну, такъ сказать, отрицательную нравственности. Онъ даже прямо объявляетъ недостойными Себя и своего царства тѣхъ, которые хотя не дѣлаютъ беззаконій, но не творятъ и положительнаго добра. Приточный богачъ представляется въ адѣ не за какия вибудь притѣсненія, насмѣшкы и обиды, а за неспоминаніе и безучастіе къ нуждамъ и страданіямъ лежаваго предъ вратами дома его нищаго. Юродивыя дѣвы остались за дверями брачнаго чертога потому, что не могли встрѣтить Жениха со свѣтильниками, не имѣя елей, то есть, доброты сердечной, которая всегда готова выразиться въ благихъ дѣлахъ, подобно тому какъ готовый елей всегда можетъ быть возжеи въ свѣтильникѣ. Ангелу лаодикійской церкви Господь повелѣлъ сказать: *знаю твои дѣла; ты ни холоденъ, ни горячъ* (то есть, не отрицаешь добродѣтели и даже считаешь себя просвѣщеннымъ и добродѣтельнымъ, но нѣтъ въ тебѣ искренней любви къ добру); *посеми И извергну тебя изъ устъ Моихъ* (Апocal. 3, 15 и дальнѣе). Предъпозображая послѣдній судъ свой, Господь произноситъ приговоръ отверженію отъ лица Божія всѣмъ, кто въ жизни своей равнодушенъ былъ къ ближнимъ и не старался воспитать въ себѣ любви къ нимъ (Мате. 25. 41-46). Итакъ, гдѣ нѣтъ одушевленія къ добру, тамъ нѣтъ собственно и христіанской нрав-

ственности. *Быть братолюбивымъ, не ослабѣвать въ усердіи, духомъ пламенѣть, Господу служить* (Римл. 12, 10--11), — вотъ подлинно христіанское расположеніе души человѣческой.

И такое расположеніе должно быть не временнымъ и исключительнымъ, а постояннымъ. Объединяя всѣ заповѣди въ одной, Иисусъ Христосъ ясно показываетъ тѣмъ, что здравое, нормальное состояніе челоѣка есть именно состояніе одушевленнаго стремленія къ добру. Когда послѣднюю цѣль нравственнаго самоусовершенія ставятъ въ томъ, чтобы научиться владѣти своими страстями и всегда сообразовать свои дѣйствія съ закономъ; то далеко еще отстоятъ отъ идеала евангельской праведности. Правственное самообладаніе было всего цѣнилось древними правоучителями, выражавшими основное правило нравственности такъ: „ничего слишкомъ, ничего презъ мѣру“. Добродѣтель въ такомъ случаѣ есть не что иное, какъ *золотая середина* между излишнимъ расширеніемъ и излишнимъ сѣсненіемъ приращенныхъ вамъ влеченій. и добродѣтельный челоѣкъ подобенъ такому народоуправителю, который не подавляетъ свободы своего народа, но и не допускаетъ въ немъ своеволія. Евангеліе призываетъ насъ не къ такому совершенству. Иисусъ Христосъ учитъ послѣдователей своихъ не управлять только своими страстями, но советъ не имѣть печистыхъ помысловъ и пожеланій: *блаженны чистые сердцемъ*. Хотя и разумное самообладаніе стремится къ тому, чтобы никакое внутреннее пожеланіе не переходило границъ, за которыми оно становится неправильнымъ и беззаконнымъ; но челоѣкъ не можетъ достигать этого, пока онъ ограничивается лишь тѣмъ, что блюдетъ за своими тѣлесными и душевными движеніями, и старается удерживать ихъ въ законныхъ предѣлахъ. Все, чего можетъ достигать онъ при этомъ, не будетъ превышать внѣшней законосообразности поведенія, и то необезпеченной отъ болѣе или менѣе частыхъ и значительныхъ нарушеній. Возвращаясь къ употребленію нами сравненію, замѣтимъ, что нельзя

почитать истинно благоустроеннымъ того общества или государства, въ которомъ весь порядокъ основанъ на благо-разумныхъ мѣрахъ правительственной власти для уравновѣшенія свободы народа съ подчиненностью его законамъ: пока самъ народъ не проникнуть чувствомъ законности, до тѣхъ поръ внутри государства нѣтъ еще прочнаго строя и благополучиye его не обеспечено. Такъ точно нельзя еще почитать истинно добродѣтельными (праведными) такого человека, который старается разумно править наклонностями и влеченiями своей природы: онъ еще не чистъ сердцемъ и не огражденъ отъ пороковъ, пока подушевными постоянными чувствомъ добра. Только непременное одушевление любовью къ добру исключаетъ злые помыслы и похоти.

Огонь пришелъ Я низвести на землю, и какъ желалъ бы, чтобы онъ уже возгорѣлся! Крещенiемъ долженъ Я креститься, и какъ Я томлюсь, пока сiе совершится! Думаете ли, что Я пришелъ дать миръ земли? Нѣтъ, говорю вамъ, но раздѣленiе. Ибо отънынѣ пятеро въ одномъ домѣ будутъ раздѣляться, трое противъ двухъ, и двое противъ трети. Отецъ будетъ противъ сына и сынъ противъ отца, мать противъ дочери и дочь противъ матери, свекровь противъ невестки своей и невестка противъ свекрови своей (Лук. 12. 49—59). Вотъ какое возбужденiе въ нравственномъ мiрѣ желалъ и нѣмѣлъ проявить Иисусъ Христосъ. Огонь, о которомъ говоритъ Онъ, есть то нравственное одушевленiе, какое пришелъ Онъ сообщить людямъ. Божественное пламя любви горѣло въ Немъ самомъ, какъ въ своемъ источникѣ, и Онъ томился желанiемъ креститься для людей крещенiемъ искупительныхъ за нихъ страданiй и смерти, чтобы вывести ихъ изъ духовнаго оцѣпененiя и возжечь въ нихъ сердцахъ тоже святое пламя, какое горѣло въ Его собственной душѣ. Дѣйствиe этого пламени будетъ таково, что предъ нимъ не устоитъ никакая земная привязанность, какъ скоро она препятствуетъ человеку слѣдовать высшему призванiю его. Самые тѣсные узы кровнаго родства не удержатъ въ прежнемъ духовно

мертвенномъ состояніи того, коснулся кого огонь любви Христовой. Родители будутъ противъ дѣтей и дѣти противъ родителей, если одни приняли благодать вѣры Христовой, а другіе упорствуютъ въ невѣріи и покушаются лишить вѣрующихъ полученнаго ими дара Христова. Все это дѣйствительно открылось въ мірѣ тотчасъ же, какъ начало распространяться въ немъ христіанство. Въ первыя времена христіанства вѣрующіе являлись такъ облитыми огнемъ, низведеннымъ на землю Христомъ Спасителемъ, что никакая противная сила не могла угашать въ нихъ святаго одушевленія, ничто не могло *отторжати отъ любви Божіей во Христѣ Іисусѣ; ни скорбь, ни тѣсноты, ни гоненіе, ни юдоу, ни нахоты, ни опасность и мечь* (Рим. 8, 35 и дал.). Цели такіа явленія представляются кому нибудь какъ нечто особенное, свойственное только христіанамъ извѣстнаго времени и при извѣстныхъ обстоятельствахъ; то такой взглядъ совершенно несправедливъ. Особенное положеніе вѣрующихъ въ тѣ времена порождало только особые виды одушевленной дѣятельности христіанской, но самое одушевленіе составляетъ постоянный характеръ истинно-христіанской жизни. Но мѣръ того какъ христіанинъ, или цѣлое христіанское общество становится въ нравственномъ отношеніи тепло-хладнымъ, они перестаютъ быть христіанами на дѣлѣ, хотя бы и продолжали исповѣдывать христіанское ученіе и наблюдать установившіеся въ церкви обряды благочестія.

Всѣ добродѣтели христіанскія возникаютъ и развиваются изъ любви христіанской, какъ изъ своего корня. Но чтобы не дать ложнаго толкованія такому положенію, необходимо имѣть въ виду слѣдующее: 1) одушевленіе чувствомъ христіанской любви не исключаетъ употребленія разумной силы въ области нравственной дѣятельности. Самъ собою разумъ безсиленъ сдѣлать человека добрымъ; но онъ можетъ указывать вѣрное направленіе движеніямъ христіанскаго чувства и наиболее пригодныя средства къ осуществленію добрыхъ желаній, отстранять препятствія на пути

добродѣтели и т. п. Господствующею силою остается одна-кожъ во всякомъ случаѣ одушевленная любовь къ добру, тѣмъ болѣе, что разумъ въ ней же находитъ главное, чѣмъ опъ самъ просвѣтляется, такъ какъ эгоистическія стремленія наши наиболѣе препятствуютъ намъ ясно понимать, что должно быть главною цѣлію извѣстныхъ дѣйствій нашихъ и какъ должно поступать намъ въ данномъ случаѣ. 2) Самое чувство любви христіанской раскрывается и возрастаетъ въ насъ чрезъ упражненіе въ дѣлахъ добра или чрезъ дѣятельное уподобленіе Христу Спасителю. Поэтому хотя всѣ заповѣди евангельскіе заключаются въ заповѣди о любви, однакожъ даются и болѣе частныя предписанія объ упражненіи въ той или другой добродѣтели.

Протоіерей П. Гавроговъ.

(Продолженіе будетъ).